

ПОСТФАКТУМ

В.А. Хоточкин

**ЗАПИСКИ
СПОРТИВНОГО
ДИПЛОМАТА**

Виктор Алексеевич Хоточкин Постфактум. Записки спортивного дипломата

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68677648

Постфактум. Записки спортивного дипломата: Аякс-Пресс; М.; 2022

ISBN 978-5-94161-891-0

Аннотация

Сегодня спорт высоких достижений – это не только и даже не столько состязание в различных дисциплинах, сколько масштабное реалисти-шоу, за которым следят миллионы зрителей по всему миру. А международный спорт, в том числе и международное олимпийское движение, – политическое шоу планетарного масштаба, в котором свою особую, важную роль играют спортивные функционеры и дипломаты.

Виктора Алексеевича Хоточкина по праву называют одним из наиболее авторитетных специалистов в области международной спортивной дипломатии. Ещё в советские годы он был Генеральным секретарем Национального олимпийского комитета СССР, непосредственно занимаясь организацией легендарной хоккейной Суперсерии-72, а в новейшей истории многие годы руководил Управлением международных связей Олимпийского комитета России. Он побывал на всех Олимпиадах с 1972 по

2016 год, а на двух из них (в Афинах-2004 и Лондоне-2012) был олимпийским атташе официальной делегации России. Сейчас уже сложно такое представить, но европейские министры спорта дважды поддерживали кандидатуру Виктора Хоточкина на голосовании, и он в течение четырех лет возглавлял Комитет по развитию спорта Совета Европы. Список можно продолжить.

События в международном спорте, описанные Виктором Хоточкиным в книге «Постфактум. Записки спортивного дипломата», происходят с начала 1970-х до нашего времени.

Автор передал характерную атмосферу событий, будучи непосредственным участником; рассказал о людях, которые уже вошли в историю. И честно выразил отношение к тому, что происходит сегодня.

Книга дает уникальную возможность заглянуть в непубличное пространство международного спортивного закулисья.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

По законам военного времени	7
От автора	10
Начало	13
Не было бы счастья, да несчастье помогло.	13
Вместо предисловия	
Студенчество. Знакомство с Сибирью. Я б в филологи пошел...	17
Служба в Вооруженных Силах. Армия вместо ООН	20
Мои родители. Истоки	22
Занятия спортом. Магия баскетбола	29
Семейная история. Родная моя команда	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Виктор Алексеевич
Хоточкин
Постфактум. Записки
спортивного дипломата**

© Хоточкин В.А. Все права защищены.

© АЯКС-ПРЕСС, издание на русском языке, 2022

По законам военного времени

Нет более спорного тезиса, чем сентенция Пьера де Кубертена «О спорт! Ты – мир!». События последних лет, а особенно месяцев, доказывают обратное. России в спорте объявлена война. Политики от МОК и международных федераций взяли и выгнали российских, а заодно и белорусских атлетов со всех соревнований. Подлый удар не только лишает миллионы болельщиков наших стран способности получать сильные эмоции от побед «наших», но и калечит спортсменов, лишает их цели в жизни.

Но это лишь побочные эффекты в глазах чиновников, принявших решение. Удар нанесен из политических соображений: унижить Россию, лишить ее руководство мощного пропагандистского инструмента.

История не новая. В период соревнования двух систем вопрос «Кто умнее?» решался за шахматной доской, «Кто сильнее?» – на помосте тяжелоатлетов, «У кого крепче характер и командный дух?» – на хоккейной коробочке...

Нынешний век скорректировал вектор установок. На смену реальной политике пришел популизм. Аудитория спорта выросла, а сам он стал идеальной площадкой для борьбы денег и лозунгов. Популярность политикам приносят обещания, а за итоги можно не отчитываться. Избранные спортсмены стали миллиардерами, и это добавило зрительского ин-

тереса. Цена ристалищ подскочила до небес...

Российский спорт стал сдавать в этом состязании кошелек, идеологема патриотизма перестала работать, а реальным бизнесом спорт в нашей стране так и не стал.

Спорт – сложный организм. Помимо продюсеров, актеров и наставников в этом всемирном шоу важная, пускай и невидимая миру, роль принадлежит функционерам. И здесь совершенно особую и ответственную нишу занимают спортивные дипломаты. Уникальную возможность заглянуть в это непубличное пространство дает книга Виктора Алексеевича Хоточкина, патриарха российской олимпийской политики.

Мне повезло работать под его началом в восьмидесятые годы, на излете Советского Союза. Журнал «Олимпийская панорама» был рупором НОК СССР, в котором Виктор Алексеевич занимал крайне важную должность генерального секретаря, а автор этих строк был редактором международного отдела. Именно к Хоточкину сходились все ниточки отношений с национальными федерациями и с отдельными выдающимися спортсменами, ему поступали директивы партийного и отраслевого руководства, им же из этого руна ткались международные связи, направленные на поддержку нашего спорта.

Виктор знал и любил свое дело, был непосредственным участником десятков (!) Олимпиад, чемпионатов мира, продолжает и сейчас дружить с выдающимися атлетами, тренерами и организаторами. Он, как говорится, в теме. И боль-

шая удача, что Виктор Хоточкин наконец написал эту книгу. Я всегда уважал автора за его принципиальность, отсутствие конъюнктурности, широкую эрудицию и боевитость в отстаивании интересов наших спортсменов и интересов страны. Думаю, что книга будет интересна не только участникам описываемых событий, но и крайне полезна нынешнему поколению спортивных дипломатов. Конечно, они сейчас в простое. Но все проходит, вернется и работа. И хочется, чтобы на смену всяким «спикерам от харта» пришли компетентные, страстные люди, которые будут вкалывать не только за «бабки» и благосклонность начальников, но прежде всего из-за чувства причастности к великой и славной семье российского спорта, вносить свой вклад в нашу победу.

Спорт – не мир. Это война. А на войне надо сражаться.

*Василий Сенаторов, издатель, мастер спорта
международного класса по парусному спорту*

От автора

Мы живем в мире, полном жестокости и неопределенности, но есть одно, в чем все мы можем быть уверены, – в добрых намерениях спортсменов и организаторов спорта, убежденных в необходимости искать проявления общности, а не различий. Нам надо думать о том, чем мы можем помочь друг другу, а не о том, как причинить боль другому. В этом заключается прогресс или по крайней мере вклад в прогресс, который могли бы вносить спортсмены мира.

Лорд Майкл Килланин, экс-президент МОК

События, описанные в этой книге, происходили в международном спорте с начала 1970-х. Я попытался передать характерную для того времени атмосферу, царившую в мировом спорте, так, как я увидел и запомнил ее, непосредственно участвуя в организации и развитии международных спортивных связей нашей страны.

Однако события, произошедшие в мире уже во время подготовки книги к изданию, ознаменовали наступление совершенно новой эры в международных отношениях нашего государства с внешним миром. Начавшаяся в феврале 2022 года специальная военная операция по защите Луганской и Донецкой народных республик вызвала беспрецедентную волну русофобии и жесточайших санкций по отношению ко все-

му, что связано с нашей страной.

Драконовские рестрикции коснулись внешней торговли, промышленной и финансовой сфер, культуры, участия РФ в деятельности международных организаций и многого другого. Не избежали этой участи и спортивные контакты, продемонстрировав истинное отношение Запада к столь любимому там постулату о том, что «спорт вне политики».

По настоятельной рекомендации МОК российские и белорусские спортсмены были отстранены международными федерациями от участия практически во всех официальных соревнованиях, даже в нейтральном статусе.

Были аннулированы результаты наших команд в еврокубках, а ФИФА и УЕФА отстранили российскую сборную от участия в отборочных матчах за путевку на чемпионат мира по футболу 2022 года в Катаре.

МОК также принял решение о лишении высших олимпийских наград россиян, отмеченных за успешно проведенные зимние Олимпийские игры в Сочи.

Апофеозом лицемерия стало решение Международного паралимпийского комитета (МПК) о недопуске команд России и Белоруссии для участия в зимних Паралимпийских играх в Пекине. Скандальное решение в отношении паралимпийцев было принято МПК за день до открытия Игр, невзирая на то, что спортсмены уже находились в Пекине.

Тем не менее я решил не вносить никаких корректив в уже готовый текст этой книги. Пусть она останется «слепком

эпохи» – времени, когда в историю мирового спорта были вписаны одни из самых значимых и красивых событий.

Ну и не могу не сказать, что внутренне убежден, что все происходящее сейчас в мире спорта будет преодолено в ближайшее время. Для спорта несвойственна функция отчуждения, он объединяет и сближает людей. Об этом великом его предназначении и пойдет речь в книге.

Начало

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Вместо предисловия

Оглядываясь на свою жизнь, я не могу уйти от ощущения, что она представляет собой калейдоскоп очень разных событий и встреч, которые порой совершенно не связаны между собой и уж тем более не вытекают одно из другого. Этим объясняется и выбор формата данного повествования – в виде путевых заметок, сделанных в разное время и при различных обстоятельствах, а потому не всегда с соблюдением хронологии и четкой последовательности. Просто, как это часто бывает, в разные периоды жизни у человека могут меняться приоритеты. Тем более и именно так было в моем конкретном случае, когда нет ясной и определенной цели, которой хотелось бы непременно добиться.

Пожалуй, стремление сделать значимую карьеру никогда не было главным приоритетом моей жизни. Не могу сказать, что я полностью лишен здорового честолюбия, это было бы, наверное, фарисейством. Но если задуматься и проанализировать, то основное, что двигало мною, – это, по-видимому, унаследованное от отца желание постоянно стремиться к до-

стижению вершин мастерства в том, чем занимаешься.

По мере погружения в глубины той или иной профессии жизнь открывает тебе все новые и новые возможности. Важно не уклоняться от них, не лениться, а отнестись к ним как к неким вызовам, которые бросает тебе судьба.

Этим объясняется и выбор второго высшего образования после поступления на работу в Спорткомитет СССР. Мне хотелось общаться с великими профессионалами спорта на их языке.

В свою очередь, окончив «высший» в нашей сфере вуз – ГЦОЛИФК, я получил пропуск в прекрасный и удивительный мир спорта. В самом деле, начав работу в Спорткомитете с должности младшего переводчика, я прошел путь до первого заместителя министра спорта, не перескакивая через ступеньки и без чьей-либо волосатой руки. Много раз с благодарностью вспоминал я мудрое наставление отца: все, чего ты добьешься в жизни своим трудом, никто у тебя не отнимет.

А воспоминания о своем жизненном пути я хотел бы начать с момента, когда эта самая жизнь могла довольно нелепо и совершенно неожиданно закончиться.

* * *

Прожив уже семьдесят с небольшим лет, я не очень глубоко задумывался о своей жизни и о поисках в ней какого-то

особого смысла. Все шло по накатанной: семья, работа, дети, внуки – ничем не примечательная жизнь обычного человека, перешагнувшего экватор своего жизненного пути и также размеренно следующего к его логическому завершению. Все изменилось, когда в один из жарких летних дней 2017 года, находясь за городом, на даче, я почувствовал внезапную слабость и понял, что у меня проблемы с речью – я не смог внятно объяснить домашним, что со мной происходит. Мне страшно повезло, моя супруга Елена – медик, и она быстро поняла, что надо немедленно ехать в Москву. Меня усадили в машину и повезли в сторону города, где на середине пути нас уже поджидала вызванная по телефону карета скорой помощи. Дальше все происходило как во сне. Я задышался, меня куда-то долго везли на каталке. Потом какие-то медицинские манипуляции, в промежутках – испуганные глаза жены и детей. И я отчетливо понял, что от меня уже ничего не зависит.

Очнулся я в палате реанимации, весь облепленный датчиками и, видимо, для надежности привязанный к кровати. Ночами мне действительно хотелось встать и бежать из этой палаты, но никак не удавалось освободиться от хитроумно завязанных пут. Это приводило меня в бешенство, и, обессиленный, под утро я засыпал. Это длилось довольно долго, пока меня не перевели из реанимации в другую палату, что означало – кризис миновал.

Вот тогда ко мне и пришло осознание эфемерности про-

житой жизни. Она разделилась на «до» и «после». Причем я осознавал, что «после» могло и не случиться. Я стал мысленно, как бы со стороны, оценивать прожитую жизнь, пытаюсь понять, а что же в ней было такого, что могло бы утвердить меня в сознании, что жизнь прожита не зря.

Я вспомнил слова отца, который говорил, что человек может считать себя счастливым, если ему удалось оставить после себя какой-то след в жизни. И если уж не след, то хотя бы царапину в истории. С этим тревожным ощущением, что жизнь пролетела и ты после себя, по большому счету, не оставил ничего полезного или хотя бы заметного, я все чаще оставался один на один, уже выйдя из больницы. Есть такая серия книг – «Жизнь замечательных людей». Ни в коей мере не причисляя себя к этой категории, я пришел к мысли, что мне посчастливилось встретить таких людей в своей жизни и что об этих встречах стоит рассказать. Тем более что многие из них уже не смогут рассказать о себе в силу независящих от них причин.

Студенчество. Знакомство с Сибирью. Я б в филологи пошел...

Классе в десятом я все чаще стал задумываться над тем, чем заниматься после окончания школы. Учились мы тогда одиннадцать лет. И этот последний год школы оказался потраченным впустую.

Учились мы три дня в неделю, а два дня проводили на производственной практике на заводе имени Хруничева, что рядом с Филевским парком в Киевском районе Москвы. Мне повезло с наставником – Андрею Петровичу, токарю-супер-профессионалу, поручали изготовление самых сложных деталей. Что-то, видимо, ему все же удалось передать мне, потому что я смог сдать экзамен на звание токаря шестого разряда.

Из всех школьных предметов мне больше всего были по душе литература и английский язык. А в школьном кружке художественной самодеятельности я даже имел наглость исполнять Only You из репертуара Элвиса Пресли.

Весь год до окончания школы я брал частные уроки английского языка и чувствовал себя вполне уверенно для поступления в профильный вуз. Отец предлагал подумать о Военном институте иностранных языков, но карьера военнослужащего меня совершенно не привлекала. Я знал об их жизни не понаслышке – вырос в семье профессионального

военного.

Мой выбор пал на филологический факультет МГУ, на специальность «английский язык и английская литература». Незадолго до вступительных экзаменов я узнал, что конкурс среди школьников – тридцать пять человек на место. Меня это насторожило, но не остановило. Более того, появился азарт. Он подогревался еще и тем, что в одной группе со мной поступали дети дипломатов, изучавшие язык в Англии и США.

Все экзамены, включая английский язык и сочинение, я сдал на четверки. Многие мои конкуренты провалились именно на сочинении. Как позже говорили аборигены филфака – «пятерки за сочинение у нас не ставят». Для поступления мне не хватило одного балла.

Немного погрустив, я присоединился к родителям, которые к тому времени уже перебрались в Новосибирск по новому месту службы отца. Со справкой о сданных в МГУ экзаменах я поступил в Новосибирский государственный педагогический институт (НГПИ) на факультет иностранных языков.

Спорт в Новосибирске всегда был на очень высоком уровне. За город успешно выступали команды мастеров по футболу, хоккею, баскетболу и волейболу. Были очень сильные лыжники, биатлонисты, легкоатлеты и фехтовальщики, среди которых – чемпионы страны, Европы, мира и Олимпийских игр.

Команды НГПИ постоянно боролись за первенство на городских соревнованиях. И поскольку студентов мужского пола в институте было не так много, мне приходилось регулярно защищать цвета вуза в баскетболе, волейболе и гандболе. Мы часто выезжали на областные соревнования в разные города региона и имели возможность видеть, как живет сибирская глубинка.

В годы учебы в институте я стал сотрудничать с несколькими городскими газетами, освещая спортивные соревнования. Во время Олимпийских игр я ночами (из-за разницы во времени) следил за телетрансляциями, а наутро передавал свои заметки в редакции газет. Это была хорошая практика, и к тому же она давала небольшую прибавку к студенческой стипендии.

В 1968 году закончилась сибирская командировка отца и моя учеба в институте. Вместе с семьей я вернулся в Москву. До призыва в армию оставалось три месяца. И я стал внештатным корреспондентом спортивного отдела газеты «Московский комсомолец».

Служба в Вооруженных Силах. Армия вместо ООН

Это был важный шаг на пути к исполнению моей мечты – стать спортивным журналистом. Я очень горжусь первой записью в трудовой книжке – корреспондент спортивного отдела редакции газеты «Московский комсомолец».

Однако после института я должен был отслужить год в армии. Наверняка существовали варианты «откосить» от конституционной обязанности исполнить свой долг перед Отечеством. Но эта тема обсуждалась в нашей семье только один раз. Отец сказал: «Сынок, тебе надо послужить в армии. Ты должен понять разницу между свободой и несвободой. Тебе это в жизни пригодится». Это означало только одно: он не будет использовать свои связи, чтобы освободить меня от службы в армии. Но у меня на этот счет было иное мнение и другие планы на ближайшее будущее. В газете я прочитал объявление о проведении конкурса на курсы переводчиков ООН. И решил рискнуть. Курсы эти проводились на базе Института иностранных языков имени Мориса Тореза.

Я успешно прошел все тесты, но на финальном собеседовании меня ждала неожиданность. «Мы готовы зачислить вас слушателем наших курсов, но при условии, что вы подпишете обязательство в течение года жениться и вступить в партию, – заявил мне руководитель курсов. – Вам предстоит

длительная заграникомандировка для работы в секретариате ООН в Нью-Йорке. Туда направляются только женатые люди и члены партии. Со вторым условием мы вам поможем, а вот первое вы должны решить сами». Я, понятное дело, такой гарантии дать не мог.

Поэтому в ноябре 1968 года я был призван в армию. Курс молодого бойца проходил в Калуге. Знание иностранного языка пригодилось – меня призвали в войска связи. Наша задача заключалась в перехвате переговоров войск НАТО, расположенных в Западной Европе. Однажды мне даже повезло перехватить и записать важную команду (или информацию) о повышенной боевой готовности нашего потенциального противника. За что командование части наградило меня недельным отпуском. Отец, боевой генерал, был приятно удивлен, увидев сына в солдатской форме на пороге дома, а мама на радостях даже всплакнула.

После демобилизации в октябре 1968 года остро встал вопрос, чем заниматься дальше.

Мои родители. Истоки

Я родился в семье профессионального военного. К моменту моего появления на белый свет, в августе 1946 года, за плечами отца уже было три войны. На войну с белофиннами он попал прямо после рязанского общевоинского училища. Окончив сельскую школу в Солотче, в тридцати километрах от Рязани, отец, мечтавший о военной карьере, поступил в единственное военное учебное заведение в областном центре.

Свою третью войну – с милитаристской Японией мой папа Алексей Петрович заканчивал в должности начальника бронепоезда в Ворошилове-Уссурийске, на Дальнем Востоке, где я и родился. Своим именем я обязан виктории – победе нашего народа в Великой Отечественной войне. Моя мама Нина Николаевна, в девичестве Выломова, – человек не менее героической судьбы. Родилась в 1925 году в городе Воткинске (ныне Чайковский) в рабочей семье. В шестнадцать лет, приписав себе год, вместе с подружкой Лизой ушла на фронт, где попала в войска связи. А в 1945 году в Ворошилове-Уссурийске она познакомилась с папой. Так и родилась наша семья.

Часть, в которой служила мама, осуществляла радиоконтроль и пеленг авиации Квантунской армии. Во время вражеских авианалетов подразделение мамы сообщало нашим

войскам противовоздушной обороны координаты и время атаки японской авиации.

Однажды, разбирая семейный архив, я наткнулся на статью в прифронтовой газете, посвященную маме. Передовица с маминой фотографией в военном полушубке называлась «Наша Нина». Я понимал отца – в такую красавицу нельзя было не влюбиться. За свои боевые заслуги мама была награждена несколькими медалями, которые она никогда не доставала и не показывала детям – мне и моей младшей сестре Ольге.

После победы в войне над Японией наша семья ненадолго переехала на новое место службы отца в Киев. Жили в подвале, по полу бегали огромные крысы, и мама ночами отгоняла их от моей кровати. Это было очень тяжелое и голодное время. Чтобы как-то поддержать нас, отец перевез маму и меня к своим родителям, в деревню Алеканово, что в двадцати километрах от Рязани. Там я и пошел в первый класс местной сельской школы. У дедушки Петра Алексеевича и бабушки Насти был большой огород, где росла картошка, капуста и замечательные огурцы. Бабушка все время готовила в русской печи какие-то вкусные вещи и делала запасы на зиму. Дед Петр был главой рыбацкой артели. Бабушка меняла рыбу на молоко и отпаивала им нас с мамой. Дедушка часто брал меня с собой на рыбалку, и я с детства постигал премудрости рыбацкого ремесла. Во время сенокоса взрослые брали нас, пацанов, на луга скирдовать сено.

Году в 1950-м отец поступил в Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. Семья переехала из Киева в Москву, в большую коммунальную квартиру на Садовой-Триумфальной. В комнатухе, что снимали мои родители, места хватало только для обеденного стола, родительской кровати на панцирной сетке и моей раскладушки.

А по праздникам у нас собиралась большая и шумная компания сослуживцев отца. Накрывали нехитрый стол, приносили домашнюю брагу и много и душевно пели. У мамы был прекрасный голос – она задавала тон. У отца же был отменный слух, он немного играл на гитаре и знал наизусть практически всего Есенина. Папа очень любил творчество своего великого земляка и часто бывал на родине поэта в Константинове. Он был знаком с сестрой Есенина, а в хорошем расположении духа мог долго читать вслух запрещенные неопубликованные стихи любимого поэта, что было совсем не безопасно для члена партии и будущего политработника.

Окна нашей комнаты выходили на Садовое кольцо. Во время военных парадов я любил наблюдать за техникой и парадными расчетами участников. Когда проходила колонна отцовской академии, мне разрешалось, на зависть всей дворовой ребятне, какое-то время идти рядом с отцом, который всегда был право фланговым.

Главные впечатления детских лет – постоянные переезды из одного военного городка в другой – такова была послево-

енная реальность жизни офицеров, окончивших академию. Благодаря этому у меня выработался весьма полезный навык: я научился быстро адаптироваться к новым условиям и налаживать контакт с новыми людьми. Бывали годы, когда каждую четверть я начинал в новой школе! Но, конечно, труднее всего приходилось маме. Не зря говорят, что два переезда равносильны одному пожару. Видимо, фронтовая жизнь научила ее стойко переносить бытовые неудобства и быстро создавать уют на новом месте. Куда бы ни переезжала наша семья, вокруг мамы всегда быстро образовывался женский коллектив, состоящий в основном из супруг папиных коллег. Отец, приходя вечером со службы, всегда шутил, что у нас дома заседает женсовет. С другой стороны, как политработник, он всегда был в курсе всего, что происходит на территории части и за ее пределами: доставка детей в школу в зимний период – а школа находилась в восьми километрах от части, – работа военторга, взаимоотношения среди военнослужащих и в офицерском коллективе. Мелочей, как известно, в таких вещах не бывает.

Одно из самых светлых детских воспоминаний – выезды всей семьей на рыбалку и по грибы. Если отцу удавалось поймать какую-то рыбешку, мама варила в походном котелке уху. Ну а если рыбацкое счастье не улыбалось, то из рюкзака извлекались рыбные консервы или колбаса. В этих случаях звучала сакраментальная папина фраза: «Самая лучшая рыба – это колбаса!» Охота и рыбалка всегда были для папы

лучшим отдыхом в те редкие дни, когда ему удавалось побыть наедине с природой.

В нашей семье появился всеобщий любимец – спаниель Марсик. Это был бедовый пес, с которым постоянно что-то случалось. Несколько раз его у нас похищали. Подъезжала машина, открывалась дверь, и Марсик радостно запрыгивал на заднее сиденье, потому что автомобиль всегда ассоциировался у него с поездкой на охоту. Два раза он убежал от своих похитителей и возвращался домой. Со временем Марсик научился распознавать коварство людей и уже не велся на призывы незнакомцев прыгать в чужую машину.

Где-то классе в пятом-шестом папа подарил мне охотничью двустволку, и я уже мог на равных со взрослыми участвовать в утиной охоте. Летом мы часто навещали своих родных в Рязанской области. Дорога на машине до Рязани из Москвы занимала в то время больше пяти часов. И столько же – последние двадцать пять километров по бездорожью от Рязани до родительского дома в селе Алеканово.

Кроме дедушки Петра и бабушки Насти в селе проживала еще сестра папы, Анна Петровна, с семьей. А в самой Рязани жила семья старшей сестры отца – тети Марии. В те редкие дни, когда вся семья собиралась вместе, мы ехали на маленький островок озера Долгое, что сразу за огородами сельчан. Взрослые радовались встрече: дедушка привозил только что пойманную рыбу, варили в большом котле уху, купались, загорали, шутили и обсуждали семейные новости.

Тетя Анна была дояркой, поэтому мне поручалось очень важное дело – доставить парное молоко на сельский молокозавод. Стадо паслось на дальнем пастбище, и до него еще надо было доплыть с пустыми бидонами на большом весельном челне. Тетя наливала мне большую кружку парного молока и давала краюху черного хлеба. И мне тогда казалось, что ничего вкуснее в жизни и быть не может!

Груженный челн тяжело шел в обратный путь. Там меня уже ждала запряженная двумя лошадьми подвода и извозчик. Вместе мы перегружали бидоны в телегу и везли их на молокозавод. Но однажды мне пришлось все это проделать одному: по какой-то причине мой напарник не явился на берег. Где-то на полпути лошадей понесло, и я вынужден был спрыгнуть с повозки. Приземлился неудачно и, похоже, повредил руку. Тем не менее груз я доставил в конечную точку в целости и сохранности. Дома бабушка почувствовала неладное и отвела меня утром к деревенскому фельдшеру. Тот на глаз определил перелом и наложил мне шину. Рука срослась удачно – сельские медики творили чудеса.

После окончания академии папа был направлен на командную работу в войска ПВО в Московской области.

Родители любили спорт. Мама хорошо бегала на лыжах, даже принимала участие в армейских соревнованиях. Отец уважал бокс. И классе в пятом привел меня в секцию бокса на территории его военной части. Мысль отца была проста – сын должен уметь постоять за себя и защитить слабого в

случае необходимости. Полученные там навыки очень пригодились мне позже, уже во взрослой жизни.

Занятия спортом. Магия баскетбола

Когда заканчивались летние каникулы, мы возвращались в Москву, точнее, в Московскую область. Войсковые части, где проходила служба отца, располагались в разных уголках Подмосковья: Вешняки, Люберцы, Митино, Красногорск... Лишь после назначения в Главное политическое управление Министерства обороны (ГЛАВПУР) отец получил приличную квартиру на Большой Филевской улице, рядом с одноименным парком. Место было чудесное: Москва-река, парк, школа в пятнадцати минутах ходьбы от дома. По соседству располагался небольшой уютный стадион какого-то номерного предприятия. Во время утренних пробежек я часто видел человека в спортивном костюме с надписью СССР. Он делал какие-то особые упражнения, напоминающие метание то ли копья, то ли гранаты. Когда мы познакомились, им оказался серебряный призер Олимпийских игр по метанию копья Владимир Кузнецов.

Много лет спустя, уже придя в Спорткомитет России, я узнал, что Владимир Васильевич стал большим ученым и создал новое направление в спортивной науке, которое изучало предельные нагрузки на организм человека. «Антропомаксимология» была востребована не только в спорте, его разработки очень интересовали и нашу космическую науку, так как перегрузки космонавтов были сродни тем, что испы-

тывали во время тренировок и соревнований наши ведущие спортсмены.

У меня хорошо шел бег на лыжах. А вот с инвентарем тогда было туго – хорошие, клееные лыжи были редкостью, да и стоили дорого. Брались обычные лыжи, осколком стекла снималась вся лишняя древесина. Когда они становились достаточно легкими, наступал черед смоления. К несказанной «радости» родителей я смолил свои лыжи вонючей мазью и прогревал их на кухне над газовой плитой. Смрад стоял такой, что прибегали возмущенные соседи сверху, но, узнав, что я готовлю инвентарь к соревнованиям, снисходительно терпели это временное неудобство. И даже иногда желали успеха.

Потом наступило увлечение плаванием. Занимался я в открытом бассейне стадиона в Лужниках. Приходилось ездить на электричке, потом с двумя пересадками на метро, но это не останавливало меня и не уменьшало энтузиазма. Моим любимым видом плавания был кроль. Я стал быстро расти и за год вытянулся на одиннадцать сантиметров: сказалось благотворное действие водной среды и занятий в зале сухого плавания.

В школе мы играли в волейбол и баскетбол. Неплохая баскетбольная команда состояла в основном из моих одноклассников. И в нашем Киевском районе города Москвы среди школьных команд нам не было равных.

На одной из игр ко мне подошел сухощавый мужчи-

на среднего возраста. «Иван Иванович Гляндеров, – представился он, – тренер по баскетболу СДЮШОР общества «Юность» Киевского района. Не хочешь всерьез заняться баскетболом?» Я, понятное дело, согласился. «Условие будет одно – придется пахать. Времени упущено много. Твои сверстники в девятом классе уже умеют многое».

На первой тренировке я получил задание лично опекать рослого парня Колю Ковыркина, который в то время уже был кандидатом в юношескую сборную Москвы. Играя против такого мощного спарринг-партнера, я постоянно набирался опыта, стараясь ни в чем не уступать Николаю.

Телосложение у Коли было нестандартное. При росте сто девяносто пять сантиметров – такие длинные руки, что он легко блокировал броски соперников, рост которых нередко превышал два метра. Играть в нападении против Николая было очень непросто. Обыграть его можно было только путем хитрых финтов или неожиданных решений. Тренер нас в этом поощрял. Двух его лучших игроков, двух Николаев – Ковыркина и Крючкова, позднее пригласили в команду мастеров ЦСКА. Коля Крючков, несмотря на свой немаленький рост сто девяносто сантиметров, был разыгрывающим. В то время на этой позиции играли «мальши». Самым ярким из них был армейский защитник, а впоследствии играющий тренер Арменак Алачачян. При росте сто семьдесят сантиметров он блистал и в ЦСКА, и в сборной Союза. Именно он увидел большую перспективу в Коле Крючкове, будущем

мастере спорта СССР международного класса.

Баскетбол оказался игрой на всю жизнь. Он сопровождал меня и во время учебы в Академии общественных наук, и во время работы в Госкомспорте РФ – у нас были крепкие команды, которые участвовали во многочисленных соревнованиях среди ветеранов.

В 1993 году Сергей Белов, закончив активную карьеру игрока, был избран президентом Российской Федерации баскетбола (РФБ). И зная о моем увлечении баскетболом, предложил мне стать вице-президентом РФБ и заняться международными вопросами.

Позднее он же делегировал меня в качестве представителя федерации в исполком Европейской федерации баскетбола – FIBA Europe.

Штаб-квартира FIBA Europe тогда располагалась в Мюнхене. На стене зала заседаний висел большой портрет Уильяма Джонса, многолетнего генерального секретаря FIBA. С ним и его постоянной помощницей Урсулой Франк мне довелось познакомиться во время одного из его визитов в нашу страну для переговоров с тогдашним председателем Федерации баскетбола СССР Николаем Семашко.

Именно г-н Джонс сыграл ключевую роль на Олимпиаде 1972 года в Мюнхене. В связи с ошибкой хронометража во время финального матча баскетбольного турнира между командами СССР и США наша команда подала протест. Американцы уже решили, что победа за ними, и начали бурно

торжествовать. Однако Уильям Джонс считал иначе. Он принял окончательное решение добавить три секунды к основному времени матча. Именно эти три секунды дали возможность Ивану Едешко отправить великолепный пас через всю площадку Александру Белову, который и поставил победную точку в том историческом поединке. Но это еще не было концом истории. Возмущенные американцы тут же подали встречный протест. Как вспоминает Сергей Белов, принесший, кстати, двадцать очков в копилку нашей сборной, «часов пять мы находились в неведении, сидели в раздевалке и ждали, чем закончится рассмотрение протеста американцев. Наконец пришел Сергей Башкин, помощник старшего тренера Владимира Кондрашина, и с загадочным видом сообщил: «Переигровка!» Шел третий час ночи, мы, естественно, всполошились: «Когда?» «Через четыре года в Монреале», – продолжил Башкин, довольный произведенным эффектом. Американцы отказались принять серебряные медали и не явились на церемонию награждения.

Впоследствии Джонс в течение нескольких лет подвергался всякого рода нападкам и давлению со стороны официальных и спортивных властей США. Небезынтересно, что на хронометраже сидел тогда молодой сотрудник фирмы Swiss Timing Йозеф Блаттер. Тот самый, который впоследствии стал президентом могущественной Международной федерации футбола (FIFA). Существует конспирологическая версия, что в низложении Блаттера с его поста ключевую роль

сыграли американцы, которые таким образом спустя много лет отомстили ему за казус с тремя секундами в Мюнхене.

Общие воспоминания об Уильяме Джонсе и Николае Семашко быстро сблизили меня с генеральным секретарем FIBA, югославом Бориславом Станковичем, его юридическим консультантом Патриком Бауманом и другими членами исполкома. Безусловно, огромное значение для них имело то обстоятельство, что мою кандидатуру вносил баскетболист мировой величины Сергей Белов, а рекомендуемый им кандидат был ни много ни мало заместителем министра спорта России.

В начале 1990-х в мире начался настоящий бум уличного баскетбола. Эта тенденция была подхвачена крупнейшими производителями спортивной экипировки, такими как Adidas и Nike. Удлиненные майки и шорты ярких необычных расцветок для уличного баскетбола стали пользоваться огромной популярностью у молодежи.

Перед одним из заседаний исполкома FIBA Европа Сергей Александрович Белов предложил мне поднять вопрос о поддержке этой разновидности баскетбола. Мы подготовили презентацию, собрали статистику по популярности стритбола в нашей стране и за рубежом. По нашим прогнозам, эта игра должна была в ближайшее время приобрести глобальную популярность. Существовала реальная перспектива трансформации этого явления в отдельное движение вне контроля со стороны FIBA.

Мое сообщение было заслушано членами исполкома с большим вниманием. Станкович меня поддержал, и было принято решение о создании рабочей группы по мерам поддержки, разработки календаря стритбола и интеграции его в систему соревнований FIBA. Позднее в целях благозвучия стритбол стали именовать баскетболом 3×3. В 2014 году он дебютировал на юношеских Играх в Нанкине (КНР). А в 2021 году баскетбол 3×3 стал полноправным членом олимпийской программы на Олимпиаде-2020 в Токио.

Огромную роль в продвижении стритбола сыграл Патрик Бауманн. Эрудиция, умение добиваться намеченного и организаторский талант лежали в основе его блестящей карьеры. Сначала он становится заместителем генерального секретаря FIBA, с 2003 года вступает в должность генерального секретаря международной федерации, после чего избирается в Международный олимпийский комитет. Став членом МОК, он продолжает активно продвигать баскетбол 3×3 и добивается его включения в олимпийскую программу. Коллеги по международным спортивным федерациям избирают его президентом Ассоциации международных федераций по олимпийским видам спорта (АСОИФ). Томас Бах назначает его главой координационной комиссии по подготовке вторых зимних Олимпийских юношеских игр в Лозанне. Впоследствии власти Швейцарии предложат ему стать главой оргкомитета этих Игр.

Патрик Бауманн проводил серьезные реформы в баскет-

боле, укрепляя роль FIBA и национальных федераций. Его начинания не всегда и не всеми воспринимались однозначно. Время от времени возникали противоречия между календарем FIBA для сборных команд и континентальными лигами. Особенно остро такой конфликт разгорелся в Европе – между FIBA и Евролигой. В его эпицентре оказались и несколько клубов из России, игравших в Евролиге. На одной из конференций саммита «СПОРТ-Аккорд», которая проходила под его руководством в Швейцарии, Патрик попросил меня разъяснить его позицию новому президенту РФБ Андрею Кириленко. Надо отдать должное Андрею, он быстро разобрался в ситуации, наладил продуктивный диалог с Бауманном, и конфликт с FIBA был исчерпан.

Глубокое понимание спорта, знание пяти иностранных языков, опыт работы в WADA и многих комиссиях МОК постепенно выдвигали Бауманна в число наиболее перспективных деятелей международного спорта, а также возможного преемника нынешнего президента МОК.

Судьба, однако, распорядилась иначе. 18 октября 2018 года, во время посещения своего «детища» – матча по баскетболу 3×3 на юношеских Олимпийских играх в Буэнос-Айресе, у Патрика случился сердечный приступ, местная медицина оказалась бессильна – спасти его не смогли.

На излете моей службы в армии мне удалось попасть в дубль ЦСКА. Эта спортивная рота ЦСКА располагалась на Ленинградском проспекте, рядом с Аэровокзалом. В спорт

роте проходили воинскую службу футболисты, хоккеисты, борцы, легкоатлеты, теннисисты, мотогонщики, волейболисты и представители других видов спорта, популярных в знаменитом армейском клубе. Это было особое элитное подразделение, в котором служили потенциальные кандидаты в основные составы команд мастеров. Их режим – это ежедневные двухразовые тренировки, дежурство по клубу, участие в обязательных занятиях по ОФП для генералитета – обычно волейбол.

Большим энтузиастом этого вида спорта был генерал армии Лелюшенко. Ему нравилась моя игра у сетки: «Ты, длинный, давай ко мне!» В особый восторг его приводили сильные гасящие удары моего друга-волейболиста Леонида Мельникова. Видимо, прославленный генерал-артиллерист, отдавая нам команду «Пли!», видел себя на поле боя. Теннисисты, в свою очередь, играли с министром обороны Гречко – ярым поклонником этого прекрасного вида спорта.

В 1960-1970-е годы, в период расцвета армейского спорта, там работали такие великие наставники, как Анатолий Тарасов, Александр Гомельский, Станислав Жук, Гиви Ахвледиани (волейбол), Давид Тышлер (фехтование) и многие другие прославленные тренеры, – цвет и гордость советского спорта. Нам, солдатикам-армейцам, разрешалось в свободное время посещать тренировки команд. Со многими мастерами у нас складывались личные, товарищеские отношения. Этому способствовала и практика ссылки в спортроту, лас-

ково именуемую «халявой», так наказывали за какие-то проступки провинившихся мастеров. Чаще всего к этой мере прибегал Анатолий Тарасов. И благодаря этому я близко познакомился с хоккеистами Владимиром Лутченко, Геннадием Цыганковым, Владиславом Третьяком, Вячеславом Анисиним, Юрием Лебедевым, Александром Бодуновым, Хельмут Балдерисом, Николаем Дроздецким и даже с Валерием Харламовым, которого Тарасов «воспитывал» с особым пристрастием, особенно в начале его карьеры в ЦСКА.

Все эти хоккеисты стали игроками сборной команды СССР, и поэтому впоследствии, когда я в качестве переводчика стал часто выезжать с хоккейной командой на различные международные турниры, мне было так легко с ними общаться.

Занятия спортом подарили мне знакомство и дружбу со многими блестящими, незаурядными людьми, достигшими больших высот в своей профессиональной деятельности.

В нашей школьной баскетбольной команде играл Николай Чулков, мальчик из потомственной семьи дипломатов. Уже в зрелые годы мы несколько раз встречались с ним в разных странах, где проходила его дипслужба. Свою успешную карьеру дипломата он завершил в должности заместителя руководителя нашего постоянного представительства при ООН.

В спортшколе общества «Юность» мы играли в одной команде с Сергеем Стоклицким. Сергей всегда был лидером,

главным «забойщиком» команды. Он посвятил себя внешнеэкономической науке, защитил прекрасную диссертацию под научным руководством Евгения Примакова. Позднее Сергей сумел удачно применить свои знания на практике, создав собственный банк с очень хорошей репутацией.

Жизнь порой настолько непредсказуема и витиевата, что зачастую диву даешься, какие неожиданные повороты ожидают тебя на разных этапах твоей судьбы. Евгений Максимович Примаков очень по-доброму относился к спортсменам. Уже работая в Олимпийском комитете, мы обратились к нему с просьбой помочь с обучением ряда наших известных спортсменов в Дипломатической академии МИД России. Примаков идею поддержал и поспособствовал поступлению в это элитное учебное заведение таких великих олимпийцев, как гимнаст Алексей Немов, синхронистка Ольга Брусникина, стрелок Михаил Неструев и другие.

В наши дни эта инициатива получила свое продолжение в несколько ином формате. Известные спортсмены проходят обучение и переподготовку на базе МГИМО МИД России. Получая новые знания по завершению спортивной карьеры, выдающиеся атлеты имеют возможность найти себя в качестве российских представителей в международных спортивных федерациях (МСФ). Эта программа осуществляется благодаря поддержке Олимпийского комитета, МГИМО и президентского Фонда поддержки олимпийцев России.

Семейная история.

Родная моя команда

Нас, молодых сотрудников Спорткомитета СССР, постоянно привлекали на так называемые шефские работы. Краснопресненская овощная база, где нужно было перебирать лук, капусту или картошку, какое-то подмосковное хозяйство, когда по осени надо убирать урожай картошки и заготавливать корма на зиму.

Денег за работу не платили. Видимо, в этом и заключалась «шефская помощь». Правда, кормили нас в колхозной столовой вполне прилично. Поэтому мы особо и не сетовали на бытовые условия. Нам было интересно оказаться в другой, сельской жизни.

В колхоз направлялись сотрудники всех управлений и подведомственных Спорткомитету организаций. Так, однажды в 1970 году в одной сельской избе собралась компания молодых людей: государственный тренер по современному пятиборью Глеб Крюков, ватерполист Слава Симаков, автор этих строк и очаровательная представительница СоюзСпортФильма Леночка Ефимова. Она жила на женской половине дома с несколькими девушками из наших подведомственных организаций. Елена, на удивление, органично влилась в наш мужской коллектив. Высокая, стройная, с длинными каштановыми волосами, она быстро стала украшением компании.

Наши отношения складывались не сразу. Поначалу я никак не мог приспособиться к ее темпу жизни и многочисленным знакомым, среди которых подсознательно выискивал соперников. Лена познакомила меня с родителями – Дмитрием Львовичем и Зинаидой Ивановной. Отец, инженер-строитель, прошел всю войну от начала и до Парада Победы. Мама была геологом-изыскателем, во время войны участвовала в разведке нефтяных месторождений крайне важная работа в связи с существующей угрозой захвата немцами нефтяных промыслов на Кавказе.

Довоенная дипломная работа студентки Института им. И.М. Губкина о вероятности наличия нефти в Башкирии привлекла внимание руководителей отрасли. Была сформирована геологическая партия во главе с Зиной Бороздиной для поисков нефтяных месторождений в Башкирской АССР. Ее гипотеза подтвердилась, и довольно быстро нефть была найдена именно там, где по расчетам Зинаиды Ивановны она и должна была быть. За это открытие маму Елены наградили орденом Трудового Красного Знамени.

Даже беременность не могла остановить молодого ученого. Именно в Башкирии, в глухой деревушке Дюртюли, появилась на свет моя будущая избранница.

Лена унаследовала от родителей ту неповторимую форму общения геологов, которая царила в их семье. Двери малогабаритной двушки в Тимирязевском районе всегда были открыты для друзей, коллег и знакомых. Маленькая квартирка

была островком тепла и гостеприимства для всех, кому надо было решить какие-то вопросы и проблемы в московских организациях по пути в геологическую партию или по возвращении из оной.

У Зинаиды Ивановны было много учеников-аспирантов, и она щедро делилась с ними результатами своих многолетних геологических исследований в разных регионах страны. Лена унаследовала от своих родителей этот особый дух геологического братства и тягу к странствиям. Вместе со старшим братом Львом она часто ходила в байдарочные походы по высокой весенней воде в центральной части России. Позднее они и меня приобщили к этим путешествиям, которые обычно выпадали на период майских праздников. И когда у нас с Леной появились дети, то уже с двухлетнего возраста мы брали их с собой, они привыкали к трудностям походной жизни и получали первые навыки управления байдаркой на бурлящих порогах извилистых весенних рек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.